

Цинь Чэн поднял подбородок, собираясь вступить в спор, но был прерван младшим братом.

— Брат, подумай о моих чувствах.

Цинь Чэн взглянул на Цинь Сина, а затем на Чу Цзяэня, который сидел, отодвинувшись на расстояние, и безжалостно произнес:

— Ты сам ничего не можешь, вот и завидуешь чужой любви?

Жун Юй, словно пытаясь выжить в сложной ситуации, вернулся вечером из кондитерской и как раз наткнулся на ссору Цинь Сина и Цзяэня. Сейчас они явно еще не помирились, и ему лучше было бы уговорить старшего брата Цинь быть поосторожнее.

Мягкий, умоляющий взгляд Жун Юя остановил Цинь Чэна, и он не стал продолжать перепалку с непонятливым братом. Вместо этого ему пришла в голову идея.

— Все ходят с угрюмыми лицами, так что, наверное, мне придется взять инициативу в свои руки. Хотите, расскажу вам историю?

За столом все единогласно покачали головами.

Жун Сяобэй фыркнул:

— Ты? Разве ты можешь рассказать что-то хорошее? Не верю! Наверняка снова хочешь обмануть моего брата!

Цинь Чэн прищурился, бросив на Жун Сяобэя одобрительный взгляд, хотя вслух этого не сказал.

— Раз вы не хотите слушать, то я обязательно расскажу.

Жун Сяобэй тут же встал, чтобы уйти, но Цинь Чэн остановил его, и Жун Юй с остальными вынуждены были остаться на месте, чтобы послушать историю старшего брата Цинь.

Альфа закатал рукава, понизил голос и, словно главарь секты, уставился на остальных.

Его голос был полон обмана, и он начал выдумывать страшную историю на ходу:

— У меня есть друг, его зовут Лао Ван. В его компании всегда приходится задерживаться на работе.

Однажды Лао Ван проработал две недели подряд и, наконец, поехал домой. Было уже два с половиной часа ночи...

Он намеренно тянул время, и Жун Юй схватил его за руку, испуганно глядя на него:

— Это... это история про призраков?

Цинь Чэн зловеще усмехнулся и похлопал его по тыльной стороне ладони:

— Нет, просто Лао Ван рассказал мне это во сне, как факт, который он видел.

— Ах... — Жун Юй сморщился, у него было плохое предчувствие.

Цинь Чэн решил довести дело до конца и продолжил:

— Когда Лао Ван подъехал к перекрестку, загорелся красный свет. Ему пришлось остановиться. Он был так устал от работы, что потерял глаза, а потом...

Он специально сделал паузу, глядя на слегка испуганного Жун Сяобэя:

— Как вы думаете, что он увидел?

Маленькая пушка, пытавшаяся казаться сильной, теперь дрожала:

— Я... я не знаю...

Цинь Чэн добился желаемого эффекта и продолжил:

— Затем велосипед остановился у пешеходного перехода. Лао Ван снова потерял глаза, и велосипед сам поехал, пересекая его лобовое стекло.

На велосипеде никого не было, но педали и колеса продолжали вращаться...

Едва его холодный мужской голос смолк, как свет в столовой погас, и комната погрузилась во тьму.

Цинь Чэн, словно дьявол, не остановился, а только ускорил темп.

— Лао Ван так испугался, что обмочился. Он достал телефон и позвонил домой, чтобы рассказать о странном происшествии. И вдруг с заднего сиденья раздался резкий голос:

«Кто сказал, что никого нет? Я же две недели с тобой работал...»

— Ааааа!!!

В доме раздались неразборчивые крики.

А Жун Юй уже зарылся лицом в грудь Цинь Чэна, и мужчина в темноте торжествующе засмеялся.

Свет в столовой снова загорелся, и улыбка Цинь Чэна мгновенно исчезла, когда он увидел Цинь Сина, держащего Чу Цзяэня за плечо.

— Брат, тебе не надоело?

Очевидно, это был старший брат, кто с помощью телефона управлял светом в люстре.

Цинь Чэн презрительно усмехнулся:

— Если тебе скучно, иди спать. Только не вспоминай мою историю ночью, ладно?

Все разошлись по комнатам, и Жун Юй, даже лежа в постели, все еще был напуган. Цинь Чэн широко раскрыл объятия, ожидая, когда маленький трусишка сам прижмется к нему.

И действительно, через некоторое время Жун Юй тихо позвал его:

— Брат Цинь... Можно я... сегодня обниму тебя во сне...

Старший брат Цинь с торжествующей ухмылкой притянул Жун Юя к себе, прижал к груди и поцеловал его кошачьи ушки.

— Малыш, ты испугался, да? Тогда просто послушно оставайся в объятиях своего мужа, и никакие велосипеды тебе не страшны.

— Х-хорошо...

Трусика, уткнувшись в шею, крепко обвил хвостом талию Цинь Чэна.

Сегодняшний вечер оказался удачным для Цинь Чэна: он не только обнял милого котика, но и случайно сблизил еще две пары «врагов»...

Пока старший сын Цинь наслаждался привязанностью своего милого котика, спальня младшего сына Цинь могла считаться ледяной пустыней.

Чу Цзяэнь, переодетый в светло-голубую пижаму, сидел на кровати, держа в руках сборник стихов. Его слегка влажные волосы, спускающиеся за плечи, были откинута в сторону, а открытый воротник пижамы обнажал небольшой участок фарфоровой кожи, создавая особый шарм.

Цинь Син, вышедший из ванной, вытер волосы и бросил полотенце в сторону. Темно-синий халат небрежно висел на нем.

Он равнодушно взглянул на человека у кровати. Учитывая, что днем они поссорились, мужчина изменил свой обычно мягкий тон, обращаясь к холодному красавцу.

— Выключаю свет.

Комната мгновенно погрузилась во тьму. В вопросах сна у них была общая привычка — они не могли спать при свете.

Теперь, кроме лунного света, проникающего через незашторенное окно, Чу Цзяэнь больше ничего не видел. Его слегка дрожащая рука положила книгу, и он тихо лег в свою отдельную постель.

Но его разум, словно открытый шлюз, начал вспоминать историю о призраках, рассказанную Цинь Чэном после ужина: переработка, велосипед, который сам ехал через дорогу, резкий голос с заднего сиденья...

Эти слова оживали в его сознании, и, когда Чу Цзяэнь закрывал глаза, ему казалось, что все это происходит прямо перед ним.

Он был атеистом, но пустая комната и мужчина рядом, холодный как чужой, вызывали в нем огромный страх.

Через некоторое время Цинь Син заметил сбивчивое дыхание соседа. Днем он был резок, узнав, что Чу Цзяэнь снова связался с Цзо Сюанем, но сейчас сердце его смягчилось.

— Чу Цзяэнь. — Голос Цинь Сина был холоден, но в нем сквозила скрытая нежность.

— ...

— Чего ты боишься? — Цинь Син задал вопрос в форме утверждения.

Чу Цзяэнь, не ожидая, что его эмоции так легко будут замечены, тихо сжал одеяло:

— Я не боюсь.

— Истории Цинь Чэна — это все выдумки, тебе не стоит бояться.

— ...Я сказал, я не боюсь...

— В детстве он часто выдумывал такие истории, чтобы напугать меня. — Цинь Син спокойно рассказал.

Чу Цзяэнь вдруг расслабился, и ему даже захотелось, чтобы Цинь Син продолжил.

Глава черной мафии Фуюня, которого в детстве старший брат пугал историями о призраках, чтобы он не мог спать по ночам? Но он только подумал об этом, холодный красавец отказывался от любого общения с Цинь Сином.

Затем рука легла на легкое одеяло, и Чу Цзяэнь, словно мышь, пойманная за хвост, попытался вырваться. Но хозяин руки грубо остановил его:

— Я ничего не буду делать. Просто представь, что я боюсь и хочу обнять тебя, ладно?

Голос Цинь Сина звучал даже покорно. Чу Цзяэнь напряг спину, но рука мужчины, лежащая на его талии через одеяло, казалась магической — все страшные образы исчезли.

И он «с неохотой» позволил Цинь Сину остаться:

— Ты обещаешь, что больше ничего не сделаешь?

— Угу.

Чу Цзяэнь слегка расслабился, повернувшись к Цинь Сину спиной. Они сохраняли довольно близкое расстояние, и в комнате снова воцарилась мертвая тишина.

— Цзяэнь. — Через некоторое время мужчина снова назвал его, не желая молчать.

Не получив ответа, он снова заговорил:

— Ты уже знаешь, что Цзо Сюань женится.

Чу Цзяэнь холодно усмехнулся:

— И что?

— Теперь ты должен увидеть истинное лицо этого мужчины. Он всегда был подкаблучником, который жил за чужой счет. Когда семья Чу рухнула, ему было все равно, что ты чувствуешь, и он ушел к дочери главы семьи Ло.

Она уже передала ему 40% акций компании, и после свадьбы...

Маленькая сцена:

Цинь Чэн: Малыш, иди сюда, я расскажу тебе сказку на ночь.

Жун Юй: Я... пойду поищу скотч (°□°)

Автор хочет сказать: спасибо «Миндальный пирожок Миндальный пирожок» за поддержку, обнимаю ТЗТ

<http://bllate.org/book/16806/1545473>